

ОТВЕРГНУТАЯ РЕЦЕНЗИЯ

Всегда ли верна сентенция «Несть пророка в отечестве своем»? Каков механизм ее реализации? Действительно ли современники, коллеги не в силах оценить выдающееся произведение, или этому чаще что-то препятствует?

Эти вопросы навеяны находкой, на которую один из нас случайно натолкнулся в своем архиве и которая напомнила любопытный эпизод нашей научной жизни.

В 1978 г. вышла книга Л. С. Клейна «Археологические источники». Книга явно незаурядная. И профессорам, и студентам было ясно, что это — событие в науке. Четыре ленинградских археолога, авторы этой заметки, обменявшись соображениями о книге, надумали изложить их в виде рецензии. Мы отметили достоинства книги, ее несомненное значение, указали и недостатки. В 1980 г. рецензию послали в Москву, в журнал «Советская археология» (отв. ред. тогда был акад. Б. А. Рыбаков), т. е. направили в единственный археологический журнал СССР (только несколько лет назад появился второй, издаваемый в Киеве, — «Археологія»). Однако рецензия была отвергнута без объяснения причин. Другой рецензии на эту книгу в журнале так и не появилось. Книги будто не было.

Между тем идеи, выдвинутые Л. С. Клейном, скоро стали предметом живого и острого, крайне заинтересованного обсуждения. Книгу зачитывали до дыр и, что греха таить, «зачитывали» и в ином смысле — брали и не отдавали. Похищали из библиотек. Появились специальные статьи о ней (М. В. Аниковича, Е. А. Колпакова), отражающие приятие или неприятие идей автора; в журнале «Советская археология» напечатаны полемические статьи Ю. Н. Захарука (1984, 1988) и В. Ф. Генинга (1988). Книга очень часто цитируется. Можно без преувеличения сказать, что теоретическая работа Л. С. Клейна стала классикой нашей науки.

Концепция Л. С. Клейна — новаторская, она не укладывается в нерушимую прежде схему советской археологии. Тогдашние действия редакции явились актом неприятия позиций автора, но актом своеобразным — молчаливым и регуляционным, опиравшимся на монополию одной концепции в науке и направленным на поддержание этой монополии. Поскольку наши первые оценки книги Клейна подтвердились последующим развитием ситуации, а монополизм остается и ныне в силе, мы решили опубликовать нашу «запоздалую» рецензию как документ истории науки. Нам представляется, что она не потеряла своего смысла и как рецензия. И, надеемся, как добавочный вклад в обсуждение.

Л. С. Клейн. Археологические источники: Учебное пособие. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. 120 с. 10 табл.

На сей раз никто ничего не сказал...но, к ее великому удивлению, все хором подумали (я надеюсь, вы хорошо понимаете, что значит подумать хором)...

Л. Кэрролл. Алиса в Зазеркалье. Гл. III

Появившаяся в самом конце 1978 г. тиражом в 6 тыс. экз. книга Л. С. Клейна не залежалась на прилавке, а в некоторых городах (в частности, в таком крупном, как Ленинград) практически разошлась, не дойдя до прилавка, — бывают такие казусы. Хотя она и объявлена учебным пособием, студентам она почти не досталась, ее расхватали вышедшие из студенческого возраста археологи. Дело не только в броской обложке и в том, что автор известен острой постановкой проблем. Назрела необходимость в такой книге, и, надо признать, многими своими качествами книга Клейна отвечает потребностям научной практики.

Первый публичный отзыв напечатан вместе с самой книгой — это предисловие акад. Б. Б. Пиотровского. Тот факт, что такой компетентный и взыскательный судья, обычно очень скупой на похвалу, высоко оценил книгу и снабдил ее напутствием, усиливает интерес читателя-археолога. Б. Б. Пиотровский справедливо отмечает, что книга совмещает качества учебного пособия и исследовательской монографии.

Это необычное в нашей литературе пособие. Написанное живо, занимательно, артистично и в то же время без упрощений, без вульгаризации, оно втягивает студента в самую сердцевину горячих дискуссий, вводит его в разбор глубинных, фундаментальных, нерешенных теоретических проблем истории и археологии. Оно не предлагает простых схем для заучивания, но зато искусно приобщает студента к большой науке.

Многим разделам предпосланы эпиграфы из мудрых сказок математика Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» и «В Зазеркалье» (в оригинальном переводе, старательно выправленном и корректи-

рованном по оригиналу), удивительно точно соответствующие содержанию разделов. Этим искусным приемом автор добивается четкого эффекта: на всем протяжении книги его как бы сопровождает наивный ребенок, который задает «детские вопросы», подчеркивающие то свежесть мысли автора, то упрощенность подхода его противников. Свежий взгляд и борьба с упрощенчеством, действительно, девиз этой книги.

Как научно-исследовательская монография книга еще более выделяется. Прежде всего, как это ни странно, в советской археологии книга Клейна оказалась первой теоретической монографией вообще. У нас были историографические работы (книги А. Л. Монгайта, А. А. Формозова), выходили обобщающие труды и сводки результатов (например, книга В. М. Массона об экономике и социальном строе древних обществ), появилось методическое руководство по обработке археологической информации (И. С. Каменецкого, Б. И. Маршака, Я. А. Шера), но не было ни одной общетеоретической монографии. Эта — первая. А по той теме, которую она освещает, эта монография — первая и пока единственная в мире.

Это также первое со времени А. Шлещера и А. С. Лаппо-Данилевского и гораздо более развернутое описание структуры источниковедения и процедуры источниковедческого исследования. Кроме того, это первая монография, в которой историческое познание по археологическим материалам рассмотрено в свете теории отражения, разработанной в марксизме. И это первая в отечественной литературе работа в которой введено и обосновано требование внутренней критики археологических источников.

Необходимость теоретического анализа понятий археологической науки стала ощущаться у нас давно и ощущается все более остро. Задачи исследований усложняются, сеть понятий разрослась и запуталась, многозначность и неупорядоченность их ведут к сбивчивости рассуждений и взаимонепониманию, тормозят осмысление материала. В теоретических статьях, докладах, тезисах уже давно идет стихийный поиск понятия основного, исходного для других в археологии — на эту роль выдвигали «тип», «археологическую культуру», «артефакт», «памятник», недавно заговорили об определяющем для археологии значении общенаучного понятия «культура», все это не без резона. Но Клейн угодил в самую точку, избрав в качестве ключевого понятия «археологический источник». Он показал, что это понятие — главное в ряду подобных («артефакт», «памятник», «находка» и др.) и в наиболее чистом виде выражает наличную в них всех инвариантную сущность, связанную с главной функцией археологической науки. Поэтому через него определяется и самый предмет археологии, дефинируется археология как наука. Здесь завязываются основные трудности и проблемы, здесь они и решаются.

Клейн подчеркивает ведущую роль советской науки в формировании этого фундаментального понятия (с. 18—20), кстати, он первый, кто подметил этот факт. Таким образом, не случайно, что монография на эту тему появилась впервые именно у нас.

Не случайно и то, что за столь трудную задачу взялся именно автор этой книги. Трудно найти специалиста, который был бы лучше подготовлен для такого дела. Л. С. Клейн знаком с трудностями археологической практики не понаслышке: подобно своему учителю М. И. Артамонову он интенсивно занимался конкретно-археологическими исследованиями в широком диапазоне — по Энеолиту (шнуровая керамика, раннее триполье), бронзовому веку (катакомбные культуры), раннежелезному веку (скифы и сарматы), средневековой археологии (происхождение славян и варяжский вопрос). Он давно углубился и в теоретическую проблематику, опубликовав ряд статей в отечественных изданиях [1—4], а также за рубежом [5—8]. Задорную полемику Л. С. Клейна с западными теоретиками на страницах английских и американских журналов увенчала его внушительная (ок. 8 печ. л.) «Панорама теоретической археологии» [9], опубликованная в Чикаго, которая вызвала международную дискуссию и о которой канадский археолог Б. Триттер сказал: «В. Гордон Чайлд порадовался бы, увидев работу Клейна» [10]¹. Наконец, существенно, что Клейн выступил организатором и руководителем научных дискуссий о понятиях «археологическая культура» и «тип» [11, 12]. 20 лет он преподает на кафедре археологии Ленинградского университета, более 15 лет ведет там проблемно-теоретический семинар с еженедельными заседаниями. Сложившиеся в такой обстановке теоретические заключения выношены, продуманы и, так сказать, «обкатаны». Вот что стоит за кажущейся легкостью речи на 120 страницах книги в броской черно-желтой обложке.

Автору удалось решить чрезвычайно трудную задачу — определить специфику археологических источников, применяемых в исторической науке. А с этим связано определение хронологических пределов археологии. В основе специфики археологических источников Клейн увидел двойной разрыв: между древностью и современностью и между миром вещей и миром идей (наука функционирует в последнем). Клейн показал, что оба противопоставления сопряжены не с плавными переходами, а носят характер резкого, скачкообразного изменения качества.

¹ В. Гордон Чайлд — признанный во всем мире крупнейший английский археолог, принимавший ряд положений марксизма.

Только теперь, когда выяснилась природа этого противопоставления, стало ясно, почему так долго этот вопрос не давался науке, стало очевидно, что для решения его был необходим семиотический подход, который Л. С. Клейн воспринял от своего второго учителя, одного из основоположников этого подхода — фольклориста В. Я. Проппа.

Очень свежим и плодотворным является способ разработки понятийной сети и терминологии, примененный автором. Клейн не конструирует искусственно систему понятий и не навязывает такую схематичную конструкцию научной практике. Он сначала описывает реальное употребление терминов и выявляет живую, действующую сеть понятий со всеми ее исторически сложившимися противоречиями, затем выясняет причины такого употребления и уж только после этого осторожно пододвигает понятие к более удобным узловым местам, определяемым с точки зрения некой общей системы, к более упорядоченному употреблению. В конечном счете получается не стройная и законченная система, а лишь ее прообраз, пригодный к дальнейшим модификациям. Возможно, автору следовало пойти дальше в направлении систематизации и единства, ввести более строгую терминологию. Во всяком случае, нашей дисциплине это необходимо, и эту задачу сейчас или позже придется решать, ее не обойти.

Читателю книги скоро становится ясно, что теоретическое обсуждение понятий не бесплодная игра с дефинициями. Обсуждение в книге построено так, что проясняются основы разных подходов к пониманию предмета, целей и задач археологии, видны методические и практические следствия, вытекающие из разных подходов (см. также [13]).

Собственный подход автора изложен четко и ясно. Он занимает особое место в советской археологии, отличаясь, безусловно, оригинальностью и новизной во многом, хотя имеет и свои корни в прошлом советской археологии, свои ориентиры в истории науки, которых автор не скрывает (традиция, идущая от взглядов В. И. Равдоникаса), и свою опору в современной группировке взглядов советских ученых.

Автор описывает две крайние точки зрения в современной советской археологии на характер археологических источников. Согласно одной из них, наиболее распространенной, в археологических источниках есть историческая информация, и наше дело — только извлечь ее оттуда. Согласно другой (Г. П. Григорьев), в археологических источниках нет исторической информации, и они не являются историческими источниками, по ним нельзя писать историю. Ни одну из этих позиций автор не приемлет, обе подвергает критике, хотя и признает в них рациональные элементы. С его точки зрения, каждая из этих концепций подметила часть действительной ситуации, но возвела ее в абсолют.

По мнению автора, в археологических источниках есть просто информация о прошлом, которая является исторической лишь потенциально, т. е. она может быть превращена в историческую, но для этого нужна активная перерабатывающая деятельность исследователя с привлечением посторонней, неархеологической информации.

Археологический источник не зеркало, автоматически, изоморфно, точка в точку отражающее прошлую действительность. Эта позиция связана с представлениями Л. С. Клейна о предмете и существе археологии вообще. С его точки зрения (и эту точку зрения разделяют в главном многие советские археологи), археология — дисциплина источниковедческая. Это не значит — неисторическая дисциплина, но это значит — не история по вещественным остаткам, не история материальной культуры, не раздел истории. Археология становится вровень с этнографией, но в отличие от нее не имеет других задач, кроме источниковедческих. Исторический же процесс в целом реконструируют другие дисциплины: история (включая историю первобытного общества, или, в западной терминологии, преисторию), история культуры (включая историю материальной культуры); законы исторического процесса формулирует социология. Это дисциплины синтезные.

За рубежом такой позиции придерживаются лишь немногие археологи: Г. Кларк в Англии, И. Рауз в США, В. Хенсель в Польше; Л. С. Клейн их в этом поддерживает (см. [14]).

Большинство же археологов и за рубежом включают реконструкцию исторического процесса в функции археологии, что приводит к слиянию предметов археологии и истории или преистории. Особенно выпукло такая позиция выступает в деятельности американских «процессуалистов» — «новой археологии», неопозитивистскую методологию которой Клейн подверг острой и принципиальной критике в специальных работах, но наиболее развернуто в «Панораме». Приравнивание археологии к письменному источниковедению и (в соответствующих аспектах) к этнографии, антропологии и лингвистике позволяет избежать путаного совмещения и сбивчивости задач.

Это логичная позиция, и доводы ее сторонников, надо признать, сильнее аргументации ее противников. Однако выводы из этой позиции относительно определения и характеристики археологических источников сопряжены с трудностями и противоречиями.

Сказать, что материальные древности не являются историческими источниками, пока не проработаны исследователем, — значит в сущности убрать понятие «исторический источник» из той сферы, где оно более всего нужно, — из сферы предварительного сбора и первичной обработки данных для изучения

прошлого — и перенести это понятие туда, где уже нет в нем необходимости, где уже фигурируют другие понятия, обслуживающие более продвинутое знание о прошлом: «исторический факт», «событие», «процесс» и др. Требования, выдвигаемые применительно к историческим источникам (беречь, охранять, собирать полностью и т. п.), выходят, неприменимы к материальным древностям, еще не удостоившимся статуса исторических источников (т. е. неизученных), а ведь именно они более всего нуждаются в приложении этих требований.

Л. С. Клейн явно чувствует необходимость как-то выйти из этого затруднения, смягчить противоречие: он подчеркивает необходимость уважительного и бережного отношения также и к этим памятникам, использует понятие «предысточники», введенное С. О. Шмидтом, манипулирует понятием «источник информации об (историческом) прошлом». Не проще ли отождествить последнее с понятием «исторический источник»? Здесь что-то не до конца продумано. Впрочем, сам автор в конце книги признает, что «некоторые сюжеты откровенно предоставляет читателю додумать самому» (с. 115). А ведь это очень важный сюжет в книге!

Со слабостью этого пункта связана нечеткость характеристики соотношения археологических и исторических источников. Указав, что археологические источники «и не безоговорочно, и не только исторические» (с. 25), автор далее неоднократно пространно отмечает их те или иные сходства и различия с историческими, но он так и не дал четкой обобщающей формулировки по этому вопросу. В общем, мы понимаем, что, в представлении автора, археологические источники ближе к категории исторических предысточников, что они превращаются вполне в исторические источники, когда обретают вид письменных (отчеты, описания, тексты), но все это опять же мы вынуждены договаривать за автора. Впрочем, в этом есть своя прелесть: книга стимулирует мысль. Хотелось бы только, чтобы это шло не за счет четкости формулировок важнейших положений.

Отметим еще ряд недостатков. Глава III («От археологических источников к историческим») меньше и скуднее других, ее желательно было бы развернуть: многое здесь сказано скороговоркой. Особенно сжат последний параграф («Очередность операций»), дана лишь схема последовательности операций, содержание самих операций не раскрыто. В книге мало конкретных примеров и иллюстраций. Хотя они и не обязательны в теоретическом исследовании (алгебру незачем пересказывать арифметикой, как говаривает в теоретических диспутах сам Клейн), но, учитывая объявленный на титуле жанр книги (учебное пособие), это было бы желательно. Жаль, что нет предметного указателя: дефиниций и характеристик одного и того же понятия приводится много, и они разбросаны (скажем, определение «исторического источника» — на с. 7—10, 27, 28, 32, 37, 38); они постепенно раскрывают мысль автора, и трудно свести их воедино, а это необходимо для более полного и верного понимания. Обложка, правда, выражает основную идею книги: вещи, попадая в песочные часы истории, осыпаются в них как текст. Но оригинально задуманная и, вероятно, интересно исполненная художником, обложка испорчена плохим типографским исполнением: неудачная колеровка, неподходящая бумага, непротравленное клише, кляксы. Особенно огорчителен малый тираж книги. Она сразу же стала библиографической редкостью и продается с рук по удесyatеренной цене. Многим она не досталась, и уже сейчас требуется второе издание.

Несмотря на указанные недостатки, книга и в нынешнем ее виде оказалась нужной, полезной и чрезвычайно интересной. Вряд ли нам удастся здесь охарактеризовать или даже перечислить все ее достоинства. К ней будут обращаться разные читатели: одних захватит великолепный разбор специфики археологических источников, других — определение границ и структуры археологии, третьих — умные предостережения от упрощенной интерпретации, от дилетантизма, четвертых — разъяснение тех или иных понятий археологии, пятых — наброски систематизации. Наглядные, собственноручно выполненные автором рисунки (с изрядной дозой юмора), множество рассыпанных по книге мыслей автора, доведенных до уровня афоризмов, богатый, пластичный и чеканный язык — все это долго будет привлекать к ней читателей. Многие будут обращаться к ней неоднократно, ибо эта книга — богатый источник идей, информации, постановки проблем. Книгу ждет завидная судьба. Она заняла прочное место на полке основных монографий по общей археологии.

Г. П. Григорьев, Г. С. Лебедев, А. Н. Щеглов
(Санкт-Петербург), П. М. Долуханов (Нью-Касл)

Список литературы

1. Клейн Л. С. К оценке эмпиризма в современной археологии // Проблемы археологии и этнографии. Вып. 1. Л., 1977. С. 13—22.
2. Клейн Л. С. Археологическая теория (Проблема статуса и дефиниции) // Проблемы археологии. Вып. 2. Л., 1978. С. 8—17.
3. Клейн Л. С. Теория в археологии // Новые открытия в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 30—39.

4. Клейн Л. С. Структура археологической теории // *Вопр. философии*. 1980. № 2. С. 199—215.
5. Klejn L. S. *Marxism, the Systemic approach and archeology* // *Explanation of culture change: Models in Prehistory* / Ed. Renfrew C. L., 1972. P. 691—710.
6. Klejn L. S. Die Konzeption des Neolithikums, Äneolithikums und der Bronzezeit in der archäologischen Wissenschaft der Gegenwart // *Neolithische Studien*. I. B., 1972. S. 7—30.
7. Klejn L. S. Neolithikum Europas als ein Ganzes // *Jahresschrift für mitteldeutsche Vorgeschichte*, Jg. 60 (Halle). 1976. S. 9—22.
8. Klejn L. S. Kossinna im Abstand von vierzig Jahren // *Ibid.* Jg. 58. 1974. S. 7—55.
9. Klejn L. S. A panorama of theoretical archaeology // *Current Anthropology*. V. 18. 1977. № 1. P. 1—42; № 2. P. 371—373; V. 19. 1978. № 8. P. 162—164; V. 21. 1980. № 4. P. 521—526. (перев. на франц.: *Panorama de l'archéologie théorique* // *L'archéologie aujourd'hui* Schnapp A. 1980. P. 262—303).
10. Trigger B. No longer from another planet // *Antiquity*. 1978. V. LII. № 206. P. 198.
11. Клейн Л. С. и др. Дискуссия об археологической культуре в Проблемном археологическом семинаре Ленинградского университета // *Сов. археология*. 1970. № 2. С. 298—302.
12. Типы в культуре / Под ред. Клейна Л. С. Л., 1979 (сборник материалов двух конференций в Ленингр. ун-те).
13. Клейн Л. С. Предмет археологии // *Археология Южной Сибири*. Кемерово, 1977. С. 3—14.
14. Клейн Л. С. Археология и преистория в системе И. Рауза // *Сов. археология*. 1976. № 1. С. 306—315.

В ТРУДНЫХ ПОИСКАХ ИСТИНЫ

В предыдущем номере журнала вниманию читателей были предложены две статьи: И. А. Быховского и Д. и И. Гузевич о секретном арестанте К. Г. Чарновском и проекте изобретенной им подводной лодки. Автор первой статьи — старейший историк отечественного подводного плавания, бывший командир знаменитой балтийской подводной лодки «Пантера» И. А. Быховский — дает критический анализ конструктивно-технических особенностей лодки Чарновского и приводит некоторые факты из жизни изобретателя.

Авторы второй статьи как историки подводного судостроения выступают впервые. Их «Легенда о подводной лодке» преследует цель защитить «чистоту» историко-технических исследований и, отделив фантастику от реальности, разоблачить «основных мифотворцев» в области истории отечественного подводного судостроения: М. Н. Гернета, И. А. Быховского, С. А. Шерра, Г. М. Трусова, Н. П. Болгарова, Г. П. Попова, В. С. Городничева и др. В качестве «классического мифа» ими выбрана история с проектом подводного судна К. Г. Чарновского. В чем же Д. и И. Гузевич усмотрели мифическое в публикациях упомянутых исследователей?

Например, в формулировке В. С. Городничева и Г. П. Попова «...тупые и бездарные руководители Военного министерства отклонили проект (Чарновского. — В. Б.) из-за неудобности». Д. и И. Гузевич утверждают, что руководители означенного ведомства «к отклонению проекта никакого отношения не имели», правда, при этом они не приводят серьезных доводов. Не вдаваясь в подробности, заметим лишь, что переписка по проекту лодки Чарновского велась, и, думается, не случайно по линии Военного министерства, о чем высшие чины этого министерства не могли не знать. М. М. Семин, приводя в журнале «Красный архив» (1941. № 1) выдержки из замечаний рецензента П. Базена по проекту Чарновского, в том числе и о «неудобности» лодки, прямо ссылается на Отношение канцелярии Военного министерства в Главный штаб. Далее. В мае и сентябре 1832 г. военный министр лично интересовался состоянием работы изобретателя по усовершенствованию проекта подводной лодки. Сомнительно, чтобы интерес министра к новейшей военной технике вызывался праздным любопытством. Вспомним, как примерно 50 лет спустя Военное ведомство России, заинтересовавшись работами С. К. Дзевецкого, затем заказало для своих целей серию подводных лодок.

Так что, на наш взгляд, у В. С. Городничева и Г. П. Попова имелся повод писать о причастности верхушки Военного министерства к судьбе проекта подводного судна Чарновского, но не столь беспартийно. Обе версии нуждаются в скрупулезной проверке и документальной аргументации.

Д. и И. Гузевич широко обсуждают вопрос, известно ли было Базену, кем являлся автор проекта подводного судна.

Многие исследователи полагают, что первоначально Базен не знал (М. Н. Гернет считает, что, по-видимому, не знал) о заточении изобретателя в Петропавловскую крепость и, может быть, поэтому «отнесся к проекту Чарновского объективно и даже указывал на некоторые улучшения, которые следовало бы осуществить при постройке лодки, но затем, узнав, что судьба узника уже предрешена, отнесся к проекту по-иному и признал его „неудобным“» (Трусов Г. М. Подводные лодки в русском и советском флоте. М., 1957. С. 26). Д. и И. Гузевич решительно отмечают такое объяснение и со своей стороны считают, что «утверждения о неведении Базена не выдерживают никакой критики. Достаточно взглянуть на подпись под проектом „минского дворянина“: „Казимир Чарновский. 1829 года августа 14 дня из С. Петербургской Петропавловской крепости“. Не экскурсантом же он был!». Аргумент, прямо скажем, сомнительный. Конечно,

экскурсантом Чарновский быть не мог, но, к примеру, офицером (он же дворянин) или статским чиновником крепости — вполне. Письмо Государю написано им на казенной гербовой бумаге, а «Описание подводных судов» подписано: «Его императорского величества всемилостивейшего Государя верноподданный Казимир Чарновский» (см. статью Быховского). Маловероятно, чтобы за неполные пять дней напряженного труда над большим по объему (64 страницы) и технически сложным материалом Чарновского, направленным Базену (заметим, по личному указанию монарха), рецензент смог ознакомиться с личностью изобретателя. Добавим, что в ту пору люди разных профессий и сословий нередко обращались в высочайшие инстанции с предложением самых невероятных изобретений.

Ознакомившись с содержанием проекта Чарновского, Базен в доброжелательном тоне отметил незаурядность работы автора, его усердие и практические познания по морской части, дал изобретателю ряд полезных советов. «Базен, — пишет И. А. Быховский, — выразил пожелание, чтобы Чарновский доработал некоторые детали своего проекта и изготовил подробные чертежи спроектированного им судна средней величины». Да, «ранний» Базен был благосклонен к изобретателю и его «детищу». Почему? «Уж не потому ли, — пишут Д. и И. Гузевич, — что Базен, зная, кем является автор проекта, пытался как мог облегчить его участь?». Действительно, занимая высокое научное и государственное положение, П. Базен мог бы помочь Чарновскому. Но он этого не сделал и дальше положительного отзыва не пошел. Спрашивается, почему ученый не предложил изобретателю свою квалифицированную помощь в устранении замечаний и доведении проекта подводного судна до «удобоисполнимости»? Что помешало ему обратиться к самодержцу с прошением о создании Чарновскому нормальных в пределах тюремных возможностей условий для работы и особенно для изготовления чертежей? Почему Базен не попытался воспрепятствовать переводу узника на «длительное заточение» в Шлиссельбургскую крепость, подальше от столицы? Наконец, почему, написав положительный отзыв, он перестал интересоваться судьбой проекта лодки, не говоря уже о его авторе? На эти вполне корректные, на наш взгляд, «почему» ответов в статье Д. и И. Гузевич нет. Зато из статьи И. А. Быховского известно, что «П. Д. Базен предложил Николаю I свои услуги в деле проектирования подводных судов». Не исключено, что позже, когда, например, откорректированный вариант «Описания подводного судна» вновь попал на рецензию к Базену, он уже располагал сведениями о перипетиях в судьбе Чарновского: три долгих года — не пять дней. «Вероятно, эксперт учел, — пишет И. А. Быховский, — что результаты его первоначальной экспертизы и советы Николаю I использовать возможности К. Чарновского не были приняты во внимание русским самодержцем. Как иностранец на русской службе он не захотел настраивать против себя русского монарха и поэтому уже не настаивал на своем прежнем заключении».

Все эти предположения нуждаются во внимательной, квалифицированной проверке с привлечением дополнительных источников информации.

Авторы «Легенды...» не согласны с теми из историков подводного судостроения, кто осмелился упрекнуть П. Базена в «не вполне объективной оценке» проекта подводной лодки Чарновского. Чарновский обещал в течение 60 дней построить подводное судно. В связи с таким конкретным и твердым обещанием естественно и оправданно стремление Базена, на котором лежал груз ответственности перед Николаем I, прежде всего разобраться, каким образом конструктор собирался осуществить свой проект при постройке лодки. К сожалению, с этой задачей Чарновский не справился, и Базен вынес свой справедливый вердикт по вопросу о постройке подводного судна: «неудобоисполнимо». Д. и И. Гузевич не совсем точны, заявляя, что основная причина несостоятельности проекта — «употребление подводных судов в слишком пространном смысле» (для выполнения военных, промысловых и научных задач одновременно). Это только одна из многих причин, и не самая главная. Даже сузив «пространный смысл» до сугубо военного употребления, лодка все равно оставалась чрезвычайно сложным в конструктивно-техническом и технологическом отношении плавучим сооружением. Достигнутый к тому времени уровень развития техники, науки и технологии отечественного судостроения не соответствовал сложности проекта и не мог обеспечить его успешной реализации. В своих устремлениях изобретатель лодки «забежал» несколько вперед, обогнав реальные возможности теории и практики судостроения в России. В этом основная причина несостоятельности проекта лодки и неудачи его автора.

Сосредоточив максимум внимания на оценке выполнимости проекта, Базен по существу упустил из виду блестящие идеи Чарновского. Вклад изобретателя в развитие подводного дела в Отечестве рецензент сформулировал в двух лаконичных предложениях. В первом своем заключении Базен признал, что изобретение «делает честь сочинителю» и «что его усердие и практические знания могли бы быть полезны при дальнейших исследованиях и производстве решительных опытов для введения и усовершенствования подводного судоходства в Российской империи». Во второй рецензии ученый лишь скупно отметил, «что сочинитель имеет много воображения и даже сведений, приобретенных или практикою, или чтением книг». Базен не считал возможным хотя бы кратко раскрыть